

EMMA STEELE

The Echoes of Us

Belles

Mountain Leopard Press

Эмма Стил

Секунда между нами

Роман

Перевод с английского

BELLES LETTRES

Москва, 2024

УДК 82-31
ББК 84(4/8)
С80

Переводчик АННА ЕРХОВА
Редактор ЮЛИАНА ПШЕНИСНОВА

Стил Э.

С80 Секунда между нами : [роман] / Эмма Стил ; Пер. с англ. — М. : Альпина Паблишер, 2024. — 506 с.

ISBN 978-5-9614-8744-2

Дженн и Робби чувствуют, что должны быть вместе, ведь то, что происходит между ними, — настоящая магия. После долгой разлуки они вновь оказываются в объятиях друг друга, и кажется, что так будет всегда. Но самое страшное случается внезапно: их машина вот-вот столкнется с несущимся грузовиком. Кажется, катастрофа неизбежна, но Робби вдруг оказывается в прошлом Дженн и вместе с ней путешествует по самым важным моментам ее жизни. И порой он видит больше, чем ему хотелось бы... Сможет ли Робби исправить свои ошибки? Поймет ли, почему Дженн бросила его восемь месяцев назад и умчалась на край света? И самое главное: сможет ли он изменить настоящее, чтобы спасти будущее? Этот роман — трогательная и глубокая медитация о прощении, привязанности и потерях. Герои Эммы Стил проходят через множество испытаний, чтобы понять, что действительно важно в жизни, и обрести искупление и второй шанс, который выпадает раз в тысячу лет.

УДК 82-31
ББК 84(4/8)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

- © 2024 Emma Steele
This addition is published by arrangement with
Darley Anderson and Associates Ltd.
and The Van Lear Agency
© Издание на русском языке,
перевод, оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2024

ISBN 978-5-9614-8744-2 (рус.)
ISBN 978-1-8027-9533-2 (англ.)

ОДИН

2019

ДЖЕНН

Если бы он мог заглянуть в ее душу, то понял бы, как много все это для нее значит. Просто сидеть в машине рядом с ним... Уставившись в темноту сквозь запотевшее окно, она смотрит, как дома и фонари проплывают мимо, словно в размытой киноплентке. В какой-то момент она потянулась, чтобы протереть стекло, и оставила прямо по центру мутное пятно. Она улыбнулась, и призрачное отражение улыбнулось ей в ответ.

Внезапно ее снова охватывает это жуткое, тошнотворное ощущение резкого падения в животе.

Быстро повернувшись к Робби, она смотрит на его большие руки, сжимающие руль, на его жесткую щетину и растрепанные темные волосы. Ей всегда казалось, что он слишком высокий для этого автомобиля: скрючился, будто клоун в игрушечной машинке, чуть ли не упираясь коленями в приборную панель. Она кладет руку на его колено, пытаясь сосредоточиться на Робби и на своей любви к нему. Как же она рада, что вернулась.

— Чего улыбаешься? — тихо спрашивает он, накрывая ее руку своей. А потом дважды сжимает ее ладонь, как делал сотни раз. *Я люблю тебя.*

Она откидывает голову на кресло.

— Да так. Просто я счастлива. — Она улыбается снова.

Воспоминания вихрем проносятся перед ее глазами: как они познакомились пять лет назад, как полюбили друг друга, как стали жить вместе. Тысячи восхитительных мгновений переполняют ее, словно воздушные пузырьки. Всплывают и другие воспоминания, но их она отгоняет. Теперь это уже неважно.

Прошлая ночь была просто волшебной. Их первая ночь вместе после восьми месяцев разлуки. В тот момент, когда он открыл дверь, он посмотрел на нее так, будто не мог поверить собственным глазам. От него исходил такой родной запах. Несколько томительных секунд — и его руки коснулись ее кожи, губы прижались к ее губам. Они ввалились в спальню, лихорадочно срывая друг с друга одежду, словно и не было расставания. С ума сойти. Как будто они только познакомились, двадцатипятилетние, опьяневшие от любви.

Потом, когда они лежали в темноте, он преподнес ей маленький подарок — пакетик мармеладок. Она рассмеялась и уткнулась ему в грудь. Мармеладки! Как важен был для нее этот жест, хотя она и представить не могла, что будет с ними дальше.

В животе снова появляется это мучительное, тянущее ощущение. *Расскажи ему правду.*

— Ну, как прошла твоя смена? — спрашивает он, и она автоматически улыбается.

Она в порядке. Все нормально. Все будет хорошо.

— О, отлично, просто замечательно. — Она решительно кивает. — Так приятно вернуться к работе.

Она скучала по больничной суете. Ей не хватало этого ощущения, что люди нуждаются в ней, что она использует свои мозги по назначению. Очень странно было сделать такой долгий перерыв в работе. Да и во всем остальном тоже...

Они притормаживают на перекрестке, и она смотрит в окно, туда, где в отдалении возвышается на скале Эдинбургский замок. Ее всегда восхищало, что замок видно из любой точки города, — он как маяк на утесе. Двигатель гудит под ногами, когда порывы ветра ударяют в железный кокон.

— Это был ад адский, как всегда? — усмехается он.

Она рассмеялась, услышав знакомую фразочку — из тех, что они употребляли между собой.

— Ну конечно! Это был адский ад. Ты же знаешь.

— Им очень повезло, что ты вернулась, — говорит он. — Как и мне.

Ей нравится его прямота: он всегда говорит то, что думает, — и хорошее, и плохое. А у нее с этим все сложно, ей трудно выразить словами какие-то неприятные вещи, рассказать о том, что ее беспокоит. Меньше

всего ей хотелось нагружать людей своими проблемами.
Как будто ей нужна чья-то жалость.

Из ее рюкзака раздалось настойчивое пиликанье, и она достала из бокового отделения выдавший виды телефон. Взглянув на экран, она похолодела.

Нет, нет! Только не сейчас. *Еще не время.*

Сердце бешено колотится.

О боже. Пусть уже поскорее загорится зеленый, и они тронутся с места. Ее тело словно разрывает изнутри, кровь будто закипает в венах. Рывок. Они первые в очереди на перекрестке, застигнутые между двумя мгновениями.

— Зеленый, — произносит она, увидев загоревшийся кружок наверху светофора. В ее голосе вдруг прорываются нотки паники, заметные даже ей самой, и она понимает, что ноготь ее большого пальца с силой вдавлен в ладонь.

— Ты как? — спрашивает Робби, нажимая на педаль газа.

Они несутся вперед, минуя перекресток, и съезжают на скоростное шоссе, ведущее к городу. Скоро они вернутся домой, и можно будет выйти из машины. При этой мысли ее тело ненадолго расслабляется, — хоть какая-то передышка. Она пытается представить, как на выходных они будут гулять по Пентленду*, где провели столько

* Пентленд, или Пентлендские холмы — региональный парк в Эдинбурге. — *Прим. пер.*

счастливых часов, — эти изрезанные холмы не отпускали их дни напролет. Она вспоминает заросли дрока и вереска и непредсказуемое, как колесо рулетки, шотландское небо.

На долю секунды ее сердце замирает, и она закрывает глаза, жалея, что ей не удастся стереть из памяти происходящее. Ей кажется, будто кто-то открывает рот и произносит слова вместо нее, — какой-то инопланетный самозванец, прибывший на Землю, чтобы разрушить ее жизнь.

— Я должна тебе кое-что сказать.

Из машины словно выкачали весь воздух. На мгновение она даже засомневалась, услышал ли он ее слова.

— Что такое? — спокойно спрашивает он, но в его голосе проскользнула тень неуверенности, отзеркалившая ее собственные чувства.

— Может, лучше подождем до дома...

— Зачем? Я тебя не понимаю.

Она не может заставить себя выдать ответ и чувствует, как со стороны соседнего кресла исходит напряжение.

— В чем дело? — настойчиво произносит он, и теперь в его голосе отчетливо слышится беспокойство.

Она изо всех сил старается держать себя в руках. Ее щеки горят. Решившись наконец открыть глаза, она видит, как дрожат ее обтянутые легинсами ноги.

Впереди еще один перекресток. Господи, пусть зеленый свет продолжает гореть. Пусть никогда

не включается красный, только бы машина не останавливалась. Она заставляет себя посмотреть на Робби: его глаза прищурены, руки судорожно сжимают руль. Когда они подъезжают к светофору, начинает мигать желтый, но тормозить уже поздно. «Желтый свет — дорога есть», — наверняка сказал бы Робби в другой день. Она чувствует на себе его взгляд. Впереди какое-то движение. Что-то мчится на них сбоку, стремительно приближаясь в ярком свете фар.

Два

1999

ДЖЕННИ

Солнечный луч скользит по блестящей серебристой поверхности ее новеньких веллингтонских сапожек, те подмигивают ей, словно две морские рыбки. Она улыбается, чувствуя, как прохладный ветерок игриво овеивает ее лицо. Под подошвами змейками струится песок. Ей всегда казалось, что пляж во время отлива выглядит очень забавно — он будто забыл одеться.

Солнце светит так ярко, что Дженни приходится щуриться, глядя на волны, удирающие за горизонт. В пушистых облаках летают чайки, соленый свежий воздух проникает в нос. Она прикрывает глаза, чувствуя на плечах тяжесть нескольких слоев одежды: плотная флисовая кофта, поверх нее ягодно-красная курточка, и обе ей велики. Папа вечно покупает ей одежду большего размера, чем нужно, — «на вырост», как он говорит. Лучи послеполуденного солнца касаются вытянутой руки Дженни, и она внезапно ощущает их жар. А потом, так же внезапно, солнце исчезает. От порыва

весеннего ветра черные пряди волос налетают на глаза, и мир вокруг разделяется на разноцветные лоскуты.

Вдалеке виднеется остров Крамонд, возвышающийся над водой одиноким коричнево-зеленым бугорком. Он как будто однажды забрался слишком далеко в море и там застрял. Сейчас, во время отлива, до него спокойно можно добраться пешком. Папа говорит, что это единственный из семнадцати островов, до которого можно дойти с материка. Папа вообще много всего знает. Интересно, как бы все это выглядело ночью, если бы по пляжу бродили призраки в белых одеждах? Возможно, когда-нибудь она об этом узнает.

— Дженни, сюда! — раздается крик, и она оборачивается.

Мама стоит у зазубренных камней и машет бледной рукой, ее волосы развеваются, а глаза горят от возбуждения. На маме длинное зеленое пальто и огромные, не по размеру, веллингтоны. Она так смешно выглядит в этом наряде — как ребенок, нацепивший взрослые вещи. Подобрав свое желтое ведерко, Дженни со всех ног бежит к матери, и несколько морских гребешков и ракушек гремят на пластиковом дне цвета лютиков. Сапоги шлепают по влажному песку, в ушах свистит ветер... Мама наклоняется и что-то разглядывает.

— Что там? — спрашивает Дженни, резко останавливаясь перед лужей с кристально чистой водой, похожей на сотни других, в которые они заглядывали вместе. — Что ты нашла?

Может быть, это морской еж или морская собачка? Или рыба-игла? Если мама так взволнована, значит, там действительно что-то интересное. Они приходят на этот пляж, сколько она себя помнит, почти все десять лет ее жизни. Дженни знает каждое существо, которое только можно встретить в этих морских водах: завитки морских улиток, блестящие спутанные нити морских червей и, конечно, завсегдатаи — актинии и береговички. Вдруг Дженни замечает, как в ледяной воде что-то ворочается и извивается.

— Змеехвостка! — воскликнула Дженни, опускаясь на колени. Из воды показались длинные конечности, похожие на щупальца осьминога, и странное создание стало карабкаться на камни. Оно выглядит очень знакомо, но она видела его только на страницах своих книг о животных.

— Хорошее местечко, правда? — спрашивает мама.

— А папа говорил, что на Восточном побережье змеехвосток не найти.

Все еще склонившись над лужей, мама переводит взгляд на море, куда направилось существо, энергично извивая свое тельце. Она улыбается, ее щеки розовеют, как клубничная жвачка, и в уголках глаз появляются морщинки.

— Может, он просто замечтался.

Помолчав, мама опускается на корточки и поднимает с песка пустую раковину каури. Она осторожно

сдувает с нее песчинки и со стуком опускает на дно своего ведерка цвета морской волны.

Дженни оглядывается по сторонам и чуть выше по берегу, где песок более плотный, видит папу. Он сидит на коленях, рукава его темно-синего джемпера закатаны так, что видны волосатые руки. Когда он прихлопывает песок вокруг своей сегодняшней постройки, кудряшки за его обветренными ушами развеваются, как у собаки. Дженни быстро преодолевает небольшое расстояние между родителями. Ее ноги и руки, до самых кончиков пальцев, излучают энергию. Слева высятся и уходят вдаль поросшие травой холмы — с них так здорово скатываться летом. Мимо проходит собачник, но, как ни странно, больше на пляже никого нет. Сегодня они здесь одни.

Перед папой раскинут прекрасный резной замок, с башенками, подъемным мостом и глубоким рвом. Замок огромный, просто изумительный. На работе отец строит настоящие дома, здания и всякие штуки, которые она видела на чертежах в его студии, где вечно царит бардак. Но здесь, на пляже, он придумывает все по ходу дела, без всяких чертежей. И только для того, чтобы в конце Дженни поставила оценку.

— Ну, сколько сегодня? — спрашивает папа.

Дженни улыбается при виде его кустистых бровей и немного оттопыренных ушей, — у нее уши такие же.

Она прижимает палец к губам и, немного потоптавшись на месте, выдерживает театральную паузу.

— Девять целых шесть десятых, — отвечает она и складывает руки на груди.

Поднимая взгляд, она уже знает, что отец в восторге, — это понятно по его улыбке, от которой у него приподнимаются щеки. Но он никогда ничего не скажет. Он вообще неразговорчив, не то что папы ее подружек с их дурацкими шутками и неприятными голосами. Мама тоже не такая. Дженни наблюдает, как папа вытирает руки о вельветовые штаны, отчего в мягких рубчиках застревают крупные песчинки. В результате песка на нем становится еще больше, а ладони по-прежнему грязные. Ее разбавляет смех, и она думает о том, как сильно его любит.

— Мэриан! — кричит он сквозь ветер, и Дженни оборачивается.

Мама улыбается им. Папа машет ей рукой, и по этому жесту Дженни понимает: пора возвращаться домой. Сегодня будет горячая рибена*, а если повезет, она получит шоколадное бурбонское печенье. Еще одну печенку мама потихоньку даст ей чуть позже, пока отец не видит. А потом, когда он начнет готовить ужин, мама на кухне будет промывать ракушки и рассказывать разные истории, и вечерний свет из окна окрасит ее волосы в цвет заката.

С папой по одну сторону и мамой по другую, они прощаются с замком и направляются от пляжа к скалам. Дженни не торопясь перепрыгивает с камня на камень:

* Ribena — марка безалкогольного напитка на основе черной смородины. — *Прим. ред.*

там, внизу, есть крокодилы, и нужно быть осторожной, иначе можно попасться в их зубастую пасть. Щелк. Она чувствует, как острые выступы врезаются в резиновые подошвы сапог, но держится крепко. Однажды она отправится туда, где, как пишут в книжках, есть стремительные реки, джунгли и высокие, до облаков, горы.

Когда они доходят до набережной, Дженни оборачивается и смотрит на пляж. Последний раз окидывает глазами замок, запечатлевая его в памяти. Наблюдает за волнами, которые снова медленно накатывают на берег. Скоро он совсем исчезнет под водой. Дженни уже собирается отвернуться, как вдруг что-то на песке привлекает ее внимание. Она моргает, прищуривается, но на самом деле там ничего нет. По спине пробегает холодок, и у нее появляется странное чувство, будто это уже было с ней раньше.

Мама говорит, что в такие моменты Дженни *отключается*.

— Все хорошо?

Она оглядывается на папу, который вопросительно приподнимает бровь, а потом обнимает ее за плечи. Мама уже ушла вперед. Она поднимается по заросшему травой склону, и ее голубое ведро качивается на ветру. В небе появляется воздушный змей и приветливо машет им своим зеленым матерчатым хвостом. Дженни бежит вперед, чтобы разглядеть его получше, но внезапно все вокруг будто расплывается, и змей растворяется в воздухе.

Три

2014

РОББИ

Надо мной колышется зеленая ткань. Я где-то в шумном, людном месте. Что, черт возьми, происходит? Под сводчатым потолком от стены до стены натянута зеленое полотно. Играет громкая музыка, доносятся обрывки пьяной болтовни. Сердце бешено колотится, и я чувствую тупую пульсирующую боль с одной стороны головы.

Вокруг толпа людей, в основном мужчины, все уже навеселе, и у каждого в руке кружка. Вдоль задней стены тянется барная стойка, над которой висит зеркало. Я знаю это место: ирландский паб на улице Каугейт, куда я частенько заходил, когда был моложе.

Но куда девался пляж? Где Дженн? И какого черта она была маленькой девочкой? Такой я видел ее только однажды, на фото в старом альбоме, еще до того, как ушел ее отец. На вид ей там десять или одиннадцать лет. Родители называли ее Дженни.

Может, я сплю?

А когда проснусь, обниму Дженн и скажу: «Мне приснился странный сон, и я не мог проснуться. Там была ты, но как будто и не ты». А она только улыбнется и закатит глаза, как всегда, когда я говорю какую-нибудь глупость.

Я вглядываюсь в толпу людей, и меня охватывает такое чувство, будто все это со мной уже было. Но мои мысли нечеткие, как проносящийся мимо скоростной поезд. Я никак не могу сосредоточиться.

Взрыв смеха. Ко мне направляются какие-то парни с напитками в руках.

Сердце екает.

Я знаю всех этих парней еще со школы. Точно. Это Дуг, Рори и Гас. Полные неудачники. Я же их сто лет не видел. Хотя раньше мы часто с ними выпивали, когда я вернулся из Шамони*.

Это было еще до того, как мы с Дженн познакомились.

Парни останавливаются рядом со мной, и у меня начинается легкая паника. Ну не сошел же я с ума. Может, головой ударился? Или мы и правда решили встретиться? Отпраздновать какую-то годовщину или типа того? Лихорадочно пытаюсь вспомнить, что случилось перед тем, как я сюда попал.

Видимо, я вчера перебрал и у меня случился эпический провал памяти.

Вот только я не чувствую никакого похмелья.

* Горнолыжный курорт во Французских Альпах. — *Прим. ред.*

Я трезв как стеклышко.

Гас откидывает назад свои выгоревшие на солнце волосы и отхлебывает из кружки, не обращая на меня никакого внимания. Я собираюсь что-то сказать, но вдруг вижу, как кто-то выходит из тени справа. Знакомая женская фигура. Бледная стройная девушка с черными, коротко стриженными волосами. Я выдыхаю с облегчением, хотя мой мозг пытается о чем-то меня предупредить. Быстро поворачиваюсь к ней, жду, когда она меня заметит и в ее больших зеленых глазах вспыхнет огонек.

Но она проходит мимо.

— Дженн... — начал было я, но тут же осекся, увидев фигуру парня. Отойдя от барной стойки, он стал пересекать зал и оказался посередине как раз в тот момент, когда она проходила мимо.

Время как будто остановилось, когда они столкнулись в полутьме. Его пиво пролилось на нее и на пол. Она с проклятиями отступила назад. У меня свело живот, и мурашки побежали по коже, когда смутное узнавание пронзило мозг. Очень высокий неряшливый парень с растрепанными волосами и трехдневной щетиной. У него такой вид, будто он никогда не моется, но блеск дорогих часов на запястье наводит на размышления. Парень рассыпается в извинениях, и сквозь нарастающую тревогу я начинаю понимать, что я вижу.

Этот парень — я.

У Дженн, как и раньше, короткие волосы. На ней ее любимое синее пальто, — пятно от пива так

и не отстирается. Я уже переживал это в прошлом. Наша первая встреча. День, который изменил все.

Я хватаюсь за высокий столик, но не могу выровнять дыхание.

Что со мной происходит?

Дженн поворачивается, собираясь уйти, и я непроизвольно бросаюсь за ней.

— Привет...

Но мой голос обрывается. Его не слышно, как будто выключена громкость. Звук не держится в пространстве, не прорезает воздух. Пробую снова. Кричу. Но она не слышит. Как будто я есть и в то же время меня нет.

Она ненадолго останавливается у стойки, чтобы взять салфетки, и рассеянно трет пальто, залитое пивом. Мне в голову приходит одна мысль, и я поворачиваюсь к зеркалу на стене.

Но меня там нет.

Я не отражаюсь в зеркале.

На барной стойке стоит бокал с пивом. Я протягиваю руку и касаюсь его, — он холодный и твердый. Пугающе реальный.

Я чувствую, что вот-вот потеряю сознание. Но кого это волнует? Я даже не уверен, что все это происходит наяву.

В зеркале я вижу руку, которая опускается на плечо Дженн. Она резко оборачивается, в ее взгляде будто бы появляется надежда.

Снова он.

Я.

— Привет. — Она улыбается, в глазах — вопрос.

— Послушай... — начинает он и делает глубокий вдох. — У меня есть правило: если облил кого-то в пабе, надо угостить человека пивом, чтобы загладить вину.

О боже! Неужели я и вправду это сказал?

Она улыбается в ответ, но ее взгляд устремляется куда-то за его плечо, будто она ищет кого-то.

— Боюсь, мои друзья уже купили мне выпить, — говорит она почти извиняющимся тоном.

Он разводит руками:

— Значит, не судьба.

Прежняя версия меня медленно поворачивается и уходит. Дженн закусывает губу — она всегда так делает, когда что-то обдумывает.

— Постой, — окликает она парня мгновение спустя, и он оборачивается слишком быстро.

Спокойно.

— Я все-таки выпью с тобой, — говорит она, вскидывая брови. — Тебе и правда стоит извиниться за причиненный ущерб.

Он усмехается, и в этот момент музыканты начинают играть новую песню.

«Fisherman's blues»*.

* «Блюз рыбака» — композиция из одноименного альбома британско-ирландской фолк-рок-группы The Waterboys 1988 г. — *Прим. пер.*

— Погоди, у меня идея получше, — заявляет он и, прежде чем я успеваю опомниться, берет ее за руку и куда-то уводит. Он тащит ее за собой сквозь гущу народа прямо к музыкантам, затем быстро разворачивает к себе, и они почти сливаются с толпой. Они танцуют до конца песни, кружась и хохоча как сумасшедшие.

Не понимая зачем, я подхожу ближе, не в силах оторвать от них взгляд.

Песня заканчивается, барабаны отбивают концовку, и эти двое останавливаются передо мной, чтобы перевести дух. Подняв руки, он громко хлопает в ладоши, выкрикивает музыкантам слова благодарности, свистит. Он вспотел, на лбу выступили капельки пота.

Он похож на чучело, но как же она ему улыбается...

Она вся будто светится от счастья.

— Меня зовут Робби, — успевает он сказать перед тем, как начинается следующая песня.

— А меня — Дженн.

Через мгновение они уже снова танцуют вместе, взявшись за руки. И я почти ощущаю легкое прикосновение ее пальцев, чувствую, как она улыбается.

ДЖЕНН

На улице темно и холодно. Она стоит на мостовой и ждет. Над ней нависают здания Старого города: справа — замок, слева — ирландский паб. Бары уже начинают закрываться, повсюду бродят люди, перекрикиваются,

спотыкаются. Она поглядывает на дверь, и, когда выходят последние посетители, ее сердце начинает колотиться в груди.

Наконец она увидела его. Выйдя в темноту из освещенного паба, Робби направляется прямо к ней. Ее сердце будто подпрыгнуло. Он на ходу накидывает пальто, его волосы после танцев торчат во все стороны.

О боже. Он мне нравится.

— Думаешь, ты так просто от меня отделаешься? — говорит он, улыбаясь ей сверху вниз, и от его улыбки у нее сводит живот. — Извини, в гардеробе была очередь.

А я так боялась, что он просто исчезнет.

— Даю тебе тридцать секунд, — заявляет она. — Потом иду искать кебаб.

— Любишь кебаб? — Они зашагали по булыжной мостовой. — Ты просто женщина моей мечты!

Она смеется, но все так странно, — у нее возникает ощущение *дежавю*. Как будто этот разговор и эта ночь уже были раньше. Прогоняя неприятное чувство, она пытается сосредоточиться на том, что происходит здесь и сейчас.

— А где ты живешь, кстати? — доносится его голос сквозь звук разбивающихся бутылок.

— В Толлкроссе, пять минут отсюда. — Она машет в левую сторону.

— Отлично. Нам по пути.

В животе все сжалось от приятного предвкушения.

— Хочешь быть уверен, что я доберусь до дома в целости? Или ты просто старомодный?

— Второе, — усмехается он. — Это ведь так по-джентльменски, разве нет?

— Наверное. — Она улыбается. — Только сразу хочу сказать для ясности: сегодня у нас ничего не будет.

— А я ничего такого и не имел в виду.

Он берет ее за руку, и ее тело словно пронзает удар электрического тока. Они неспешно бредут к ее дому, болтая обо всем и ни о чем. Рассказывают друг другу о своей работе: она врач, он повар. Она ловит себя на том, что заливается смехом каждые две секунды, слушая его дурацкие истории о ресторане. Кажется, ей еще ни с кем не было так легко и весело, хотя момент не совсем подходящий.

Почему она не встретила его раньше?

Они стоят у синей входной двери, под тусклым светом уличного фонаря.

— Может, хочешь подняться и чего-нибудь выпить? — предлагает она, и внезапно ее бросает в дрожь. — Конечно, если ты не торопишься домой.

Робби расплывается в улыбке:

— Я вообще никуда не тороплюсь.

Она кивает:

— Ну отлично.

Она ведет его по темной лестнице, ощущая нарастающее напряжение, — так бывает, когда между двумя людьми должно что-то произойти. Открыв дверь

квартиры, она пропускает его в узкий коридор. Ей вдруг стало интересно: а в каком месте живет он? В пабе ей показалось, что он из обеспеченной, «нормальной» семьи. И она на секунду задумалась о себе.

У нее жизнь немного сложнее.

Они стоят в темноте, вплотную, не сводя друг с друга глаз, и на мгновение ей кажется, что он поцелует ее прямо здесь, возле вешалок для одежды.

Она нервно сглатывает.

— Пойду принесу нам выпить, ладно?

Проводив его в гостиную, она отправляется на кухню в поисках чего-нибудь подходящего. Исследует холодильник и за огрызком заплесневелого сыра замечает две банки пива. Должно быть, их оставил там парень Сьюзи.

— Прости, Пол, — бормочет она, достает банки и идет в гостиную.

Подойдя к двери, она на мгновение останавливается в темном коридоре. Робби расположился на небольшом диванчике, неловко откинувшись на спинку. Он изо всех сил старается держаться непринужденно. Подавив улыбку, она входит в комнату. Он резко поднимает голову.

— Держи, — говорит она самым обиденным тоном, на который только способна, протягивает ему банку и пристраивается на другом конце дивана. Они одновременно делают по глотку.

— А ты одна тут живешь? — наконец спрашивает он, не переставая потихоньку барабанить пальцами

по спинке дивана. У нее создается впечатление, что он вообще не способен сидеть спокойно.

Или он тоже нервничает?

— Нет. — Дженн качает головой. — Я живу с девушкой из нашей больницы, ее зовут Сьюзи.

— Нормально, — говорит он и чуть подается вперед. — А она сейчас дома?

— Нет, сегодня она ночует у парня.

— Отлично, — отвечает он с излишним энтузиазмом, и это вызывает у нее улыбку. Он краснеет. Расстояние между ними сократилось как-то само собой. Их колени направлены друг к другу — почти соприкасаются. Его рука приближается к ней еще на дюйм, и она судорожно вздыхает, понимая, что сейчас произойдет.

По коже пробегают мурашки, и вдруг у нее появляется странное чувство, будто в комнате есть кто-то еще. Но, оглянувшись по сторонам, она никого не видит.

Она поворачивается к нему, и он целует ее. Их губы жадно, настойчиво прижимаются друг к другу. У него металлический, удивительно знакомый вкус, и ей кажется, что она еще никогда не чувствовала себя такой живой. Он обнимает ее, и она забывает обо всем, теряясь во времени и пространстве.

РОББИ

Пурпурная кровать. Два переплетенных тела под одеялом. Дженн и «другой» я. Сквозь старые занавески пробивается свет, в комнате висит густой запах

сна и вчерашней выпивки. Дженн смеется в ответ на какие-то шутки моего второго «я», — как же приятно это слышать. Он, очарованный, улыбается в ответ.

Должно быть, мне все еще снится наша первая встреча: первый поцелуй и первая ночь вместе... Но это так странно и так реалистично.

Я как будто готов проснуться. Но в то же время и не готов. Хочется продлить этот момент еще ненадолго.

Момент, перевернувший всю мою жизнь.

В тот вечер я даже не собирался идти в ирландский паб. Я должен был работать в ресторане. Но в последнюю минуту Мэтт поменялся со мной сменами на пятницу: кажется, он хотел пойти на какой-то концерт. Я связался с парнями из школы, и мы решили встретиться и выпить пинту-другую, как только освобожусь. Мы слонялись из бара в бар, и, слушая их рассказы о продвижении по службе на «нормальных» должностях — адвокаты, бухгалтеры, менеджеры, — я снова начал скучать по Альпам. Я больше не был уверен в том, что Эдинбург — «мое» место.

Я тогда был в полной растерянности. Ни целей. Ни планов.

Но, встретив в тот вечер Дженн в ирландском пабе, я нутром почувствовал, что нахожу свое пристанище.

Она сильно выделялась: высокая, с короткой стрижкой. Совсем не мой типаж. Но, увидев морщинки, которые появлялись в уголках ее глаз, когда она мне улыбалась, я просто растаял.

И мне не хотелось, чтобы тот вечер заканчивался. Не потому, что я хотел с ней переспать, хотя, конечно, хотел, но не в первую ночь после знакомства. А потому, что я уже тогда понял: мы стоим на пороге чего-то очень важного.

Мы болтали до рассвета, слишком взволнованные и возбужденные, чтобы прерываться на сон. Она мало рассказывала о своем прошлом, как будто вообще не хотела об этом говорить. Но я и так уже знал все, что мне было нужно. Она была потрясающей — и это единственное, что имело значение. В какой-то момент она сказала, что из сладкого больше всего любит мармеладки, и я пообещал купить их ей на следующий день.

Потому что был уверен: я должен увидеть ее снова.

Тот, «другой» Робби снова осыпает ее поцелуями, и я прекрасно помню, что чувствовал тогда: сильное напряжение внизу живота и ее власть надо мной... Внезапно я переключаюсь в своих мыслях на тот день, когда она бросила меня четыре года спустя, без всяких объяснений.

Снова яркий свет в моей голове и эта нарастающая пульсация в черепе. Я стараюсь удержать этих двоих перед глазами, но с каждой секундой комната бледнеет, и два переплетенных тела на пурпурной кровати блекнут, как фотография, долго пролежавшая на солнце.

* * *

РОББИ

Я опять на водительском кресле. В машине. Мои руки намертво вцепились в руль. Снаружи через лобовое стекло прямо на меня направлен ослепительно-яркий круг света. Рядом сидит Дженн. Но я как будто не могу повернуться к ней. Я не могу пошевелиться.

Вот с чего все началось.

Здесь, в машине, по пути домой.

Теперь я все вспомнил. Мы говорили о ее работе, я сжимал ее ладонь.

Я люблю тебя.

Но конец нашего разговора почему-то расплывается, и все вокруг будто замирает. Я вижу частички пыли, зависшие в воздухе между нами, они искрятся на свету. Мое сердце выпрыгивает из груди, но я ничего не могу сделать.

А потом все снова движется. Пучок света стремительно приближается, вот он уже в дюйме от нас, и я понимаю — снаружи что-то огромное. Грузовик или автобус — я не уверен. И оно несется прямо на нас.

И Дженн тоже это видит.

Четыре

2001

ДЖЕННИ

Когда они возвращаются домой с прогулки, на улице стоит туман — папа называет его «хаар»*. Она слышит в белой вышине крик чайки, залетевшей слишком высоко. Папа идет рядом. Они оба в одинаковых зеленых веллингтонах и темно-синих дождевиках. Удивительно, что в свои двенадцать лет она почти догнала его по росту. Она не может удержаться, чтобы не шагнуть с ним в ногу: *левой, правой, левой, правой*. Он смотрит на нее и улыбается.

Наконец показался их дом. Интересно, чем сегодня занималась мама? Может, отдыхала или рисовала. В последнее время она как-то быстро от всего устает. В отличие от папы — тот кипит энергией, даже если за день не проронит и слова. Весь день они бродили по пляжу и близлежащему лесу.

* Холодный морской туман; чаще всего наблюдается на Восточном побережье Великобритании с апреля по сентябрь. — *Прим. пер.*